

ДУХОВНАЯ ДРАМА СОЛОВЬЁВА

В.Д. Боровиков, Л.С. Боровикова

Сегодня, когда пройден первый этап открытия и знакомства с русской религиозной философией (этап её преимущественно апологетического освоения), существенно важно понять духовные корни, питавшие её теоретические построения. Жизнь и творчество Владимира Сергеевича Соловьёва в этом отношении представляет исключительный интерес, обусловленный его местом в истории русской религиозной философии.

Время формирования личности и мировоззрения Владимира Соловьёва (вторая половина XIX века) было временем серьёзного общественного и социально-политического брожения, глубоких душевных и духовных сдвигов в сознании и самосознании той части русского общества, которую принято называть интеллигенцией. Коротко этот сдвиг можно обозначить как религиозный кризис, проявившийся вначале как нигилизм по отношению к культуре и истории России, а затем и к культуре вообще. Поскольку «природа не терпит пустоты», то наиболее одарённые и смелые мыслители попытались эту пустоту заполнить «положительным знанием», «положительной религией», «положительным идеалом». И одно из первых мест здесь, бесспорно, занимает Соловьёв.

Будучи чрезвычайно впечатлительным и чутким человеком, Владимир Соловьёв впитал в себя и выразил в философских работах все значительные идеи и религиозные искания своего времени, все невероятные иллюзии и неизбежную тоску своего поколения по утраченному Абсолютному идеалу, беспокойные и мучительные поиски которого определили его жизненный путь. По мнению Соловьёва, христианское средневековое мирозерцание утратило этот Абсолют сужением своей задачи - спасти отдельные души, а не общество в целом. Кроме того, «истины веры превратились в обязательные догматы, т.е. в условные знаки церковного единства и послушания народа. ...И вот от незаконного соединения этой идеи спасения с церковным догматизмом родилось чудовищное (подчёркнуто нами) учение о том, что единственный путь спасения есть вера в догматы» [6, с.346].

Соловьёв, отвергая церковные догматы как лжехристианские, вовсе не отрицает жизненной важности христианских ценностей. Напротив, переболев материализмом и позитивизмом, он с горечью убедился в невозможности заполнить ими духовную пустоту и с ещё большей страстностью возжелал гармонии и цельности, глубины и полноты, любви и всеединства. Характеризуя духовный кризис своего времени, Тютчев писал:

Не плоть, но дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...

Эти строки как нельзя более подходят для обозначения мироощущения Соловьёва. Пережив и перечувствовав всю тоску безбожия, Соловьёв сам, средствами своего разума и своей души, желает обрести, воссоздать духовность и высшие идеалы, наполнить «отвлеченные» понятия жизненной силой, обозначить ориентиры не только для личности, но и для всего человечества. Раз Церковь исказила христианскую истину, то философия должна освободить её от «несоответствующей ей формы внешнего авторитета». И Соловьёв со всей решительностью и творческим воодушевлением берётся за эту задачу, сразу указывая основные направления и вехи своего философского «делания»: обозначить начала цельного знания; дать критику отвлечённых начал, разработать учения о Всеединстве и Богочеловечестве; и, наконец, дать Оправдание Добра, Истины и Красоты. По его замыслу позитивная разработка этих идей поможет воссоздать утраченную вследствие церковного догматизма полноту христианской истины. Поставив эту грандиозную задачу, философ, подобно Дон Кихоту, бесстрашно сражается со всеми «злыми силами»: материализмом, национализмом, монархизмом, православной Церковью, антисемитизмом, панмонголизмом и т.д. Множественность врагов предопределила и множественность ролей, «личин» (А. Белый) Соловьёва. Так же, как Дон Кихот, рыцарственный и бескорыстный, он весь во власти своей великой мечты и грёзы. И так же горько его разочарование, когда он в конце жизни (в «Повести об Антихристе») обретает реальную перспективу и видит, что сражался с ветряными мельницами и не заметил настоящего

врага. Обескуражило его и то, что прекрасная Дульсинея (Вечно женственная София) воплотилась в образе Алонсы - безумной теософки А.Н. Шмидт, объявившей В.С. Соловьёва «вторым воплощением Логоса», а себя - Софии.

То, что философ не услышал призыв А. Хомякова «возвратиться из школы в Церковь» (да и мало кто в то время это услышал), обострило драматизм его личной и философской судьбы. Именно на «школу» уповает Соловьёв и жадно впитывает в себя самые разнообразные и противоречивые философские, религиозные и мистические учения (Платон, Валентин, Филон, гностики, Шеллинг, Гегель, Конт, Шопенгауэр, Гартман, Бёме, Достоевский, Фёдоров и т.д.), надеясь через синтез примирить их и достичь чаемой цельности знания. Но в силу духовной несовместимости разных мировоззренческих и теоретических позиций именно синтез ему не удаётся. Следует согласиться с о. Г. Флоровским, видящим причину этой неудачи Соловьёва в том, что «он пытается строить *церковный синтез из нецерковного опыта*. Это касается прежде всего и его основной концепции, его учения о Софии» [8, с. 316]. Флоровский называет это учение «мечтательным гностицизмом».

Ещё один урок преподавал Владимир Сергеевич своей собственной судьбой, показав, «какими путями ходить не надо»: нельзя воссоздать цельность, всеединство, гармонию даже теоретически, не имея цельности и гармонии внутри себя. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся» (Серафим Саровский) - такой путь к гармонии и всеединству предлагает православие. Но именно этого духа смирения лишён Владимир Соловьёв, и всё богатство его одарённой натуры, а также величие и благородство его замыслов, обращаются против него. «Возврат к вере отцов» - а именно это мыслитель считал главной задачей своего философствования - не состоялся. Напротив, по авторитетному мнению Г. Флоровского, русская религиозная философия не является своеобразным порождением русского духа: «замена богословия «религиозной философией» ... характерна для всего западного романтизма. ... И в русском развитии это один из самых западнических эпизодов» [8, с. 492].

Широтой интересов, бесспорным литературным даром В.С. Соловьёв не только стимулировал «философское пробуждение» в России, но и убедил многих последовате-

лей в необходимости религиозных основ и опор философии. Почти все значительные русские философы испытали на себе воздействие Соловьёва, восприняв как его уверенность в том, что в фундаменте человеческого общества лежит духовное начало, так и в том, что можно самостоятельно приобрести эту духовность, не прибегая к соборному опыту Церкви, а иногда даже игнорируя его. Например, учение о Софии у о. С. Булгакова и о. П. Флоренского чужеродно не только церковной догматике, но и их собственным духовным исканиям.

Владимир Соловьёв, желая «воцерковить Разум» (А. Хомяков) вне Церкви, погрузился в языческую, непросветлённую христианским духом мистику, которая карикатурным образом исказила и прекрасный лик Софии, и смысл любви, придав им чувственно-экзальтированную окраску, и внесла элемент идолопоклонства в его трепетное отношение к ним. Здесь и проявилось глубинная связь интуиций и идей Владимира Соловьёва с нехристианскими и даже антихристианскими мыслителями. Не случайно он называет гностика Валентина «одним из гениальнейших мыслителей всех времён» [7, с. 3], а в обширной статье об О. Конте в энциклопедии «Брокгауз и Эфрон» (уступающей размером лишь статье о Канте), он с большим сочувствием описывает, как восторженная любовь Конта к женщине «перешла в мистический культ», сделавшийся настоящей основой новой «позитивной религии» [7, с. 205]. Конт начал с того, что трижды в день совершал молитвословия в честь умершей возлюбленной (Соловьёв подчёркивает - платонической) перед Алтарём - креслом, на котором она обыкновенно сидела. Второй шаг Конта - необходимость основания новой религии, перво-священником которой он объявляет самого себя. Заметно, что Соловьёв во многом совпадает с Контом и в том, что человечество есть целое, и в том, что сердечная сторона человеческого существа представлена женщиной (вечно женственное начало). Но главное сходство в том, что у Конта «предмет позитивной религии вместо Бога есть человечество, как единое и истинное Великое Существо» [7, с. 215], а у Соловьёва - место Богочеловека Христа занимает Богочеловечество.

На Соловьёве оправдалась истина, что безверие или попытка рационального конструирования веры могут обернуться суевением и экзальтированным идолопоклонством.

Читая странную работу Владимира Сергеевича «Смысл любви», нельзя отделаться от вопроса, почему воссоединение с Богом возможно через любовь мужчины и женщины? Почему нельзя идти прямым и коротким путём, заповеданным Евангелием: «возлюби Бога своего превыше всего»? Соловьёвская любовь религиозно-экстатична и одновременно выморочна, искусственна, лишена всякого реального жизненного содержания. Об этом говорит почти брезгливое отношение к деторождению; оно в лучшем случае - случайное следствие любви, но никак не её цель. Трудно судить: отсутствие ли нормальной полнокровной женской любви в жизни Соловьёва породило эти странные конструкции или, наоборот, именно последние являются причиной неудавшейся личной жизни философа. Бесспорно, что наделение «отвлечённых» понятий чувственным содержанием и последующее гипостазирование их создавали и для него самого, и для его последователей лучезарную, но ложную мировоззренческую и духовную перспективу.

Духовная драма Соловьёва - свидетельство не столько драмы всякого идеализма, высокие принципы которого не выдерживают соприкосновения с тяжестью эмпирического бытия. Истоки этой драмы - в отсутствии духовной цельности мыслителя, в шаткости и противоречивости его исходных мировоззренческих ориентаций. Для православного мыслителя недопустимо небрежение словами св. Григория Богослова: «Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере, очищают и душу, и тело» [3, с.1]. Вряд ли жизнь В.С. Соловьёва является свидетельством той созерцательной (в православном смысле слова) жизни, того аскетического очищения души и тела, коих требует мысль, притягивающая на самые вершины Богопознания.

Если отношение философов к личности и идеям Соловьёва ещё и содержало критический момент, то со стороны поэтов, писателей и вообще гуманистически настроенных «серебряного века» восторженно-экзальтированное восприятие приводит к созданию культа Соловьёва. Поэтому его идеи, сама его личность самым прямым образом сказались как на их собственных судьбах, так и на судьбе русской культуры. Противоречивость философского наследия Соловьёва даёт возможность по-разному оценивать само наследие и по-

разному его интерпретировать. Поэтому у людей круга Мережковского, посещавших Религиозно-философское общество - один Соловьёв, а у поэтов, обозначивших своё идейное течение как символизм (А. Блок, А. Белый, С. Соловьёв) - совсем другой. Но объединяет их общее стремление вслед за Соловьёвым соединять «несовместимые контрасты бытия», построить свою собственную жизнь на непосредственном переживании красоты, святости, Вечной женственности и своим творчеством в то же время способствовать преображению жизни. Это определило как поистине языческую жадность к чувственным наслаждениям, так и глубокое, серьёзное всматривание и в собственную душу, и в «Душу Мира». Открытость, восприимчивость ко всем культурным и идейным влияниям - характерная черта «серебряного века». Но в этой удивительной восприимчивости к чужому, в этой русской «всеотзывчивости», о которой говорил Достоевский в своей пушкинской речи, есть и оборотная сторона: она есть проявление внутренней неустойчивости и неукоренённости в собственном историческом бытии, есть горькое свидетельство исторической безбытности и неприкаянности. Утрата традиционной православной веры в Абсолютного, но Личного Бога обернулась духовной раздвоенностью для многих талантливых представителей русской интеллигенции.

Оценивая дар «всемирной отзывчивости» как роковой и двусмысленный для русской души, О. Г. Флоровский отмечает, что «повышенная чуткость и отзывчивость очень затрудняет творческое собирание души. В этих странствиях по временам и культурам всегда угрожает опасность не найти самого себя. Душа теряется, сама себя теряет, в этих переливах этих исторических впечатлений и переживаний. Точно не поспевает сама к себе возвращаться, слишком многое привлекает её и развлекает, удерживает в инобытии. И создаются в душе какие-то кочевые привычки, - привычка жить на развалинах или в походных шатрах. Русская душа плохо помнит родство. И всего настойчивее в отрицаниях и отречениях...» [8, с. 500-501].

История показала, что русская душа, идя через сомнения и отрицания, через взлёты и падения, через соблазн и его преодоление, хоть и не «выстрадает счастья», но «может выстрадать себя» (А. Фет). Владимир Сергеевич Соловьёв себя выстрадал и этим оплатил как свои иллюзии, так и прозрения; а

мы, дерзающие давать ему оценки, находимся лишь в начале этого пути.

Литература

1. Блок А.А. Владимир Соловьёв и наши дни / Блок А. Соч. в 2 т. Т.2. - М., 1955.
2. Булгаков С.Н. Тихие думы. - М., 1996.
3. Вера и жизнь христианская по учению св. отцов и учителей Церкви. - М., 1996.
4. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. - М., 1995.
5. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августина / Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т.2. - М., 1988.
6. Соловьёв В.С. Об упадке средневекового мирозерцания. / Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т.2. - М., 1988.
7. Соловьёв В.С. Статьи: Валентин и валентириане; Гностицизм; Конт /Философский словарь Владимира Соловьёва. - Ростов-на-Дону, 1997.
8. Флоровский Г. Пути русского богословия. - Киев, 1991.